

Тарантины и очкарик

Андрей Евдокимов

Андрей Евдокимов
Тарантины и очкарик

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Евдокимов А.

Тарантины и очкарик / А. Евдокимов — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Поздним вечером в глухом закоулке парка частный сыщик Ян Янов натывается на обычную в наши дни картину: три здоровенных недоноска пинают доходягу-очкарика, снимая свой героизм на камеры мобильных. Янов вступается за очкарика. Вскоре кое-кто из участников стычки исчезает, а кое-кто отправляется в мир иной. Кто и почему исчез, и кто и почему упокоился навечно, узнает сыщик Янов.

Карапузов я застал поздним вечером в глухом закоулке парка. Малыши втроём пинали очкарика. Веселье снимали на камеры мобильных.

Я свистнул, аж в ушах звякнуло. Начинающие тарантины не остановились и на секунду: мол, мы без пяти минут оскароносцы, а ты тут свистишь!

В каждом из трёх малышей – за центнер рыхлого сала. Пинали жирные карапузы тощего доходягу. Пацан извивался на земле, очки и зубы от кроссовок тарантин закрывал руками.

Я предложил малышам разойтись. Карапузы достали ножички. Инструменты для разделки кабаньих туш назвать перочинными ножичками я не смог, потому без зазрения совести разбил детишкам мордашки.

Всю минуту, что я общался с карапузами, очкарик оттирал от крови очки. На кой чёрт те стекляшки ему сдались? Лучше бы отполз от драки подальше.

Когда тарантины развалились кто где без сознания, я отфутболил трофеи – ножички и телефоны с записью бойни – подальше от толстяков, вызвал “скорую” и блюстителей.

Очкарик лежал на боку, дышал как побитая собака.

Я присел возле героя тарантиновых съёмок.

– Живой?

– Угу.

– Видать, ногами по морде ты раньше не получал.

– Откуда вы знаете?

– Ты не снял очки. Зря. Один удачный удар – и в твоих бестолковых глазах торчат осколки стёкол.

– Почему это в бестолковых?

– Не видят, куда ведут. Какого чёрта ты полез сюда, в самый глухой угол парка?

Очкарик упёрся локтем в землю, попытался встать, вскрикнул, схватился за грудь, упал на спину. Я ощупал птичью грудь очкарика. Вместо ребра нашёл мягкий провал.

В надежде подсластить пилюлю я улыбнулся.

– Не шевелись, боец. “Скорая” приедет – тогда и разомнёшься. Похоже, у тебя перелом ребра, причём паршивый. Будешь дёргаться – обломок пробьёт лёгкое.

– Я умру?

– Лежи смирно, и будешь жить сто лет.

– Больно в груди.

– Не обращай внимания.

– Говорить – не камни ворочать.

– Держи хвост пистолетом. Сирену слышишь? Наверное, по твою душу.

– Первый раз вижу, чтобы “скорая” приезжала так быстро.

– Это не “скорая”. Милиция.

– Как вовремя! Где они были раньше?

– Учились на предсказателей. Кто ж знал, что ты на ночь глядя попрёшься в парк, да ещё в самый глухой угол? Это при твоих-то мощных бицепсах!

– Вы тоже не Шварц, а в глухой уголок пошли.

– Я этих троих раскидал, а ты – нет.

– Да, дерётесь вы как в кино. Где же милиция?

– Значит, та сирена выла не для тебя. Подождём.

Я снял на мобильник место происшествия и разбитые морды жирной троицы, скопировал видеофайлы с трубок киноделов на свою.

Затрещали сучки. Я оглянулся. Из-за кустов на полянку вышли двое в форме – коротышка и долговязый – с дубинками наперевес. Я повернулся к очкарику, улыбнулся.

– Я ошибся. Сирена выла таки для нас.

За спиной кашлянул представитель Закона.

– А ну, мордой в грязь, орёл!

Я поднял руки.

– Спокойно, ребятки. Вас вызывал я. Какой мне понт вам звонить, если я в чём-то виноват?

– Разберёмся. Кто такой?

– В правом заднем кармане лежит удостоверение. Достану, если разрешите опустить руки.

– Стой смирно.

– Стою.

В следующий миг я получил дубинкой по икрам. Ноги взлетели выше головы. Я шмякнулся на спину с чавканьем, какое издаёт свиная туша в конце полёта с прилавка на кафельный пол мясного павильона.

Очкарик зашёлся в икоте.

Коротышка матернулся, затем перешёл на сленг.

– Нафиг ты его звезданул? Он же не рыпался.

– Так он точно не рыпнется. Глянь, что у него.

Долговязый улыбался, похлопывал дубинкой по ладони. Я лежал, от боли в икрах крошил зубы.

Коротышка шагнул ко мне. Я повернулся на бок, подставил карман, встретился взглядом с очкариком.

– Не бойся, малыш. Дяди тебя поднимать не станут. Они же не хотят, чтобы оскол...

Долговязый пнул ботинком мою икру. Я скрипнул зубами. Долговязый гоготнул, пнул икру ещё раз.

– Не вякать! Лежать смирно!

– Товарищ сержант, пацана трогать нельзя. У него сломано ребро. Если осколок врежется в лёгкое...

– Смотри, какой умный! Медбрат, что ли?

– Нет.

– Кто завалил этих троих бегемотов?

– Я.

– В одиночку?

– У меня разряд по контактному шахматам.

Коротышка протянул долговязому моё удостоверение.

– На, читай. А я пока вызову “скорую”.

Я хмыкнул.

– Минут десять, как вызвал.

Коротышка отмахнулся.

– То вызывал ты. К нам приедет быстрее.

Коротышка связался с центральным постом, вызвал “скорую” и подмогу.

Долговязый разглядывал моё удостоверение, чесал затылок.

– Что-то мне твоё фамилие знакомое, как говорит тот котяра из мультика. Янов, Янов...

Не тот ли ты Янов, что на прошлой неделе в кабаке отрихтовал нашего кореша?

Когда долговязый закончил речь, я понял, что дубинка – лучшее из того, что меня ожидало.

Коротышка ткнул долговязого локтем в бок.

– Тот, я его узнал. Видел в газете фотку.

Я приготовился встретиться лицом к лицу с ботинками долговязого и коротышки. К безмерному удивлению долговязый нагнулся, протянул руку.

– Вставай. Держи пять, помогу.

Я ухватился за протянутую руку, поднялся, матернулся от боли, упал на колени. Долговязый сплюнул.

– Блин, клёво я приложился. Ты уж прости. Что мне было делать? Выхожу на полянку, а тут три бегемота в отрубе, и этот очкарик весь в крови. На ногах – один ты. Кого мне надо вырубить на всякий пожарный?

Я отмахнулся.

– Ладно, проехали. Пацана не переворачивайте. Не дай бог навредим...

– Пусть себе лежит.

Долговязый кивнул в сторону тарантин.

– А эти трое кто?

– Уроды. Лупили одного втроём.

Долговязый сдвинул берет на лоб, потёр затылок.

– Вашу мать! Так это ж сынок депутата! Вон тот, самый толстый! Точно! Вчера папочка по телеку выступал, нёс какую-то хрень про борьбу с криминалом. Фамилие у него какое-то зелёное.

Я размял икры, встал, присмотрелся к тому, в ком долговязый опознал депутатского сына.

– Да. Он. Как две капли. Сынуля Маслины. Я, когда рубильник ему сворачивал, тоже что-то знакомое уловил.

Коротышка хохотнул.

– А когда нашему корешу нюх в кабаке чистил, мента в нём тоже не признал?

– Признал. Я вашего Крысько знаю давно.

– Никак его, падлу, не поймают. Из-за таких уродов народ думает, что все менты продажные.

Долговязый улыбнулся.

– Жаль, там не было меня! Я б ему, козлу, добавил.

Из-за кустов вышла группа в пиджаках и с папками, позади семенил фотограф. Через минуту началась протокольная тягомотина. Кто? Почему? Когда? Миллион вопросов, чтобы зафиксировать картину преступления.

Приехали медики, подтвердили, что ребро у очкарика сломано. Пацана погрузили на носилки, затем дали тарантинам нюхнуть нашатыря.

Едва у карапузов прорезались глазки, как поднялся гвалт. Тарантины угрожали папамидепутатами, звонили всему свету, вызывали подмогу, адвокатов, пап, мам. Приехали все. Часок поорали хором, поугрожали мне и очкарику.

Блюстители промуржили меня два часа. Отпустили, когда стемнело так, что эфиопа не различишь с метра.

Защитники тарантин – из тех, что понаехали по просьбе пострадавших – сопроводили меня до подъезда. Три джипа ползли за мной со скоростью пьяной улитки. Свет фар растянул мою тень на квартал. Я провоцировал: шёл по проезжей части. Я затылком чувствовал, как водилам не терпелось дать полный газ. Придавить меня колёсами к асфальту пацанам так и не приказали.

Пока я думал о джипах за спиной, на задворках сознания вертелся вопрос: каких приключений на свою задницу искал задохлик-очкарик поздним вечером в заброшенном уголке парка? Ловил бы сачком бабочек, порхая между кустиками в лучиках полуденного солнышка, да заблудился – куда ни шло. Юннат-очкарик, густые сумерки и троица тарантин вязались вместе как лебедь, рак и щуки.

*

*

Боль рвала зашибленные икры на куски, если я делал шаг длиннее четверти метра. До дома я доковылял за десять минут при норме в пять.

Место контакта дубинки с икрами я рассмотрел уже в горячей ванне. На левой икре синячище растёкся шире ладони, правой ногой повезло больше.

Я наложил на синяки компресс из бодяги. Хорошо, что продажных ментов вроде Крысько долговязый блюстителю не любил. Иначе кроме икр мне бы дубинкой почесали ещё и почки, ведь я дал в нос менту! Захоти долговязый вступить за честь мундира, и моих запасов бодяги мне бы не хватило, а её у меня наготове грамм двести.

За чашкой чаю я разобрался с трофеями: видеофайлы с записью мордобоя, что скачал в парке с трубок тарантин на мой мобильник, я скопировал на диск компа, размножил на всякий пожарный на дивидишных болванках, да под конец залил видео на закрытый сайт для подстраховки.

Когда взвесил все “за” и наплевал на “против”, я подредактировал ролики, снятые тарантинами. Лицо очкарика замалевал черным пятном, особо жестокие удары тарантин вырезал. Сетевой народ таким кино не испугаешь, но ведь по сайтам гуляют и дети, а им на такое смотреть рановато.

Я выложил подрисованные ролики в расшаренную папку для свободного доступа из городской сети. Залил файлы и на блог. Я старался, чтобы тарантинам не пришлось долго искать, где освежить память перед очередным походом втроём против одного наперевес с камерами мобильных и ножичками “а ля Рэмбо”. Рядом со ссылками на ролики я повесил фотки разбитых тарантиновых мордашек, чтоб карапузы не забывали о последствиях.

Повесил я видеозаписи на блог ещё и затем, чтобы папочки невинной троицы не искушали следователя гонорарами за “пропажу” вещдоков.

В умении папаш-депутатов перекручивать события с ног на голову я в очередной раз убедился после того, как в кабаке начистил нюх Крысько.

Я тогда врезал Крысько за... нет, не за приставания к даме. На дешёвые ухаживания та шлюшка напрашивалась сама. Врезал я Крысько за то, что он – мент продажный, и строит из себя короля джунглей. Мол, всё здесь моё, и ты, недочеловек, загораживаешь мне вид из окна. В таком стиле Крысько говорил в тот вечер со всеми в кабаке. Заговорил и со мной. Теперь не здороваются.

После той драки “Вечерний Андреев” напечатал моё фото с подписью: “Напал на сотрудника милиции”. Покровители Крысько из числа депутатов заказали статью в половину страницы. Это при том, что сотрудник милиции пьёт в кабаках с бандюками, выгораживает недоносков за мзду, да катается на японском джипе при зарплате в глушитель от запорожца.

Стараниями депутатского корпуса меня потаскали по кабинетам, аж захотелось в отпуск. Так я и сделал. На блоге повесил объяву: мол, иду в отпуск. Буду валяться на пляже, вечером гулять в парке, мобильник отключу. Для всех, включая клиентов, я отдыхаю, просьба не беспокоить.

Вот и отдохнул, погулял тёплым летним вечерком в парке... С драки в кабаке не прошло и недели, как я вляпался в историю с тарантинами и очкариком. Если бы тарантины оказались рядовыми босяками-шалопаями... По Закону Бутерброда самый толстый из тарантин оказался сыном самого злобного из городских депутатов.

Ромку – так в парке называла толстого тарантину мамаша – родил пламенный борец с андреевским криминалом товарищ Маслина. Папаша-депутат в каждом интервью андреевскому телеканалу вопит о страшных карах, что он готовит бандюкам. Вопит уже лет пять. Навопил себе на домишко на Кипре, да подмял под себя “Вечерний Андреев”, потому как прессу полезно держать под контролем.

Сыночку депутата-праведника Маслины я умудрился подрихтовать лицо за банальное групповое избиение. Что-то скажет город о папе? Как папино нежное сердце отзовётся на сыновнюю расквашенную рожу? Что запоёт “Вечерний Андреев”?

Я прогнал мысли о грустном, послал депутатов с их детками подальше, завалился спать.

Наутро синяки сменили цвет на грязно-жёлтый. Бодяга как всегда на высоте. Боль напоминала о себе лишь при прыжках на утренней тренировке.

Попрыгать и попинать грушу как положено я не успел. В середине тренировки зазвенел телефон. Скрипучий голос сообщил, что мне выписан пропуск к следователю. Приём в девять утра. Явка обязательна.

Скрипучий голос я узнал. Крысько – продажного мента с крысиной мордой – не узнать по голосу я не мог.

*

*

Перед кабинетом Крысько я набрал на мобильнике номер, нажал вызов, дождался соединения.

Я открыл дверь без стука. Крысько встретил меня крысиным взглядом глазок-бусинок. Злорадство не скрывал, блестел как свежие катышки крысиного дерьма.

Я подошёл к столу, отодвинул стул, сел без приглашения, улыбнулся во все зубы.

– Вызывали?

Крысько откинулся на спинку.

– Ян Янович, за какие заслуги вчера вечером вы избили трёх невинных парней, что гуляли по парку?

– Три толстяка пинали полудохлого очкарика. Вы бы прошли мимо?

Вместо ответа Крысько спросил, что именно в том месте парка делал я. Не долго думая, я сказал правду: гулял. Мой ответ Крысько не понравился. Как можно гулять в самом глухом уголке парка? Я попытался объяснить, что в глухих уголках народу обычно ноль. Тишина и спокойствие. Разве что толстые придурки иногда пинают тощих очкариков.

Крысько сверился со списком вопросов из серии “тарантин я отмажу, а тебя буду топить, ибо приказано”, сообщил: потерпевшие уверяют, что тот очкарик слепил их из-за кустов лазерной указкой. Что я скажу на это?

Что я мог на это сказать? Разве что спросить: если тарантин называть потерпевшими, то кто же тогда очкарик? Вместо вопроса я сказал, что с очкариком в кустах не сидел. Крысько не поверил.

Мало того, Крысько полночи не мог понять, как это я ни с того, ни с сего оказался рядом, когда потерпевшие начали очкарику объяснять, что слепить людей указкой – это нехорошо. Крысько так и не понял, за что я ударил первого из потерпевших.

Я опять поправил нормы морали крысков, и сказал правду: мол, карапуз пошёл на меня с ножом. Вы это пёрышко видели, Крысько? Если его воткнуть вам в живот, то запросто можно почесать гланды.

Заодно я спросил, откуда у карапузов полуметровые ножички, и почему детишки таскаются по парку с холодным оружием. Ответ на этот вопрос Крысько прочёл из заранее составленного “вопросника-ответника”: потерпевшие взяли ножи из кухни ресторана, где отдыхали перед тем, как из кустов их начали слепить лазерной указкой. Ножи кухонные, то есть под холодное оружие не подпадают.

Интересно, если бы такой ножичек нашли в кармане у меня, то признали бы кухонным или десантным? Вопрос я озвучил.

Крысько отмахнулся, задал свой.

– Итак, парень пошёл на вас с ножом, а вы его ударили. Откуда вы знали, что потерпевший собирается ножом нанести вам вред?

– Подсказало шестое чувство. Назовите это опытом.

– Так и запишем.

– Зря. Я ваш бред подписывать не стану.

Крысько скрипнул зубами.

– Ещё как станешь!

Я посмотрел в окно. Между столбами поперёк дороги висела рекламная растяжка про пользу пива тем, кому плоский живот не нравится.

Я перевёл взгляд на Крысько.

– Может, я пойду?

Крысько взвился над стулом быстрее, чем если бы сел на шило.

– Кто, когда, и куда пойдёт, здесь решаю я!

– Я арестован?

Крысько подошёл ко мне на расстояние шага.

– Встать!

– Лучше не надо, начальник. Кончится плохо.

– Встать!

Я встал. Крысько с размаху врезал мне в живот. Я охнул, согнулся пополам.

Я выпрямился и улыбнулся аж через пять секунд. Сделал вид, что мне ужасно больно.

Заговорил с придыхом, чтобы понатуральнее.

– Я ж сказал, что кончится плохо.

Крысько обошёл меня сзади. Я развернулся, встретился с Крысько взглядом.

– Собираетесь треснуть по почкам? Это место святое. Троньте, и дам сдачи.

Крысько улыбнулся, словно моих слов устал ждать.

– Угрожаешь, падла? Да я тебе сейчас башку по стенке размажу, а потом заставлю...

Я сел. Крысько набычился.

– Встать!

– Вы дурак или считаете себя умным? Вы хоть понимаете, что ваши слова могут записываться?

– Что ты сказал, урод?!

– Вы наговорили лишнего. Этого хватит, чтобы я подал на вас заявку. Посмотрите сюда.

Я вынул мобильник, показал Крысько.

– Видите, мы на связи? На том конце волны трубка моего адвоката. Там наш разговор записывается.

Крысько сглотнул.

– Ты...

– Я могу идти?

Крысько фыркнул. Допрос окончен. Уж сколько раз я проделывал фокус с липовым адвокатом, а крыськам хоть бы хны. Вести допрос по-человечьи, а не по-старинке, так и не научились. Или крыськи друг другу позорные истории не рассказывают?

Я вышел из конторы, покрутил головой, нашёл ориентир – рекламную растяжку про пользу пива тем, кому после сорока женщины не так уж и нужны.

Я встал под растяжкой, пересчитал окна от угла дома до кабинета Крысько. На цифре девять я упёрся в морду Крысько, что нарисовалась в окне. Мы встретились нелюбящими взглядами. Крысько выдерживать мой взгляд не захотел, нырнул вглубь кабинета.

По пути домой я твердил про себя цифру девять. Записывать не хотел, тренировал память. Расположение окна Крысько запомнить не мешало, ведь для следующей встречи я подготовил господину следователю сюрприз.

В том, что randevу с крысиными глазками неизбежно, я уверовал на все сто. На меня собрались повесить избиение несчастных карапузов. В качестве нападающего выбрали не кого-

нибудь, а купленного по дешёвке Крысько. Этот будет грызть меня до последней крошки, лишь бы расквитаться за то, что я устроил ему в кабаке.

*

*

Я стоял в коридоре, разглядывал в зеркале повышенную небритость. На допрос к Крысько я не брился: пусть знает, с какой высокой горки я хотел на него плевать.

За дверью зашаркали подошвы. Звякнул звонок. Я открыл дверь через миг после звонка. Гость отпрянул, словно открыть должен не я с модной щетиной, а добрая фея с реверансом.

Я улыбнулся.

– Что, такой страшный?

Бледный мужик, больше похожий на тень, чем на человека, мотнул головой. Я думал, от столь энергичного рывка лобастая голова с тощей шеи свернётся, не в силах остановиться. Я ошибся. Голова воротилась на место, даже заговорила.

– Не ожидал, что вы откроете так быстро. Я – отец Толика. Игорь Михайлович.

– У меня знакомых Толиков полгорода.

– Парень, которого вы спасли вчера – Толик.

– Заходите. Тапочки для гостей красные.

Я посторонился, впустил гостя. Михалыч потоптался у двери, глянул на красные шлёпанцы, замялся.

– Эээ...

– Великоваты? Для гостей только сорок пятый, уж извините.

– Я... Простите, у меня грибок.

– Хм. Тогда проходите в своих.

Михалыч сунул руку в карман.

– Вот, возьмите. Спасибо ведь на хлеб не намажешь.

Михалыч протянул конверт.

– Здесь – тысяча долларов.

Я отмахнулся.

– Оставьте деньги себе. Так в коридоре стоять и будем? Чай, кофе?

– Но я на минутку... Давайте чай.

– Проходите в комнату, выбирайте кресло.

Михалыч шагнул в комнату, остановился.

– Но здесь кресло только одно.

– Вот его и выбирайте.

Михалыч уселся, я отправился за чаем. Когда вернулся с полными чашками, от ароматов чуть не провалился в коматоз. Вонь от ног гостя застряла в моём носу смердящей пробкой. Хорошо, что Михалыч остался в своих туфлях.

Я подал чай Михалычу, свою чашку поставил на подоконник, подальше от ароматов гостя, остался у окна. Михалыч положил конверт на журнальный столик.

– Я принёс эти деньги в благодарность. Вы спасли мне сына. Не отказывайтесь.

– На ваше спасибо получите моё пожалуйста. Деньги заберите. Вы уж извините, но, судя по вашему виду, лишняя копейка вам не помешает.

Присыпать крошками такта моё мнение о внешности гостя – Михалыч выглядел ходячим трупом – я постарался, как мог.

Михалыч усмехнулся. Не усмешка, а гримаса мертвеца из ужастика.

– Да уж, молодцом не выгляжу. У меня рак крови. Врачи обещают ещё годика три от силы.

– И вы несёте деньги мне?! Потратьте их на лекарства. Насколько я знаю, онкология – вещь дорогая. Ваши таблетки дороже бриликов.

Михалыч кивнул, подул на чай, пригубил.

– Затраты глупые. Сколько денег на пилюли не трать, а результат один. Плюс-минус полгода...

– И всё же протянуть полгода...

– Протянуть? Хочу жить, а не тянуть. Лекарства я уже давно не покупаю. Эффект нулевой, а денег уходит море. Теперь всё трачу на сына. Моя песенка спета, а он только начинает жить. Ему деньги нужнее.

Я указал взглядом на конверт.

– Откуда деньжищи?

– Скинулись депутаты. Только что. По тысяче каждый. Хотят, чтобы сын заявление забрал.

Значит, Крысько сообщил нанимателям о провале. Кукловоды натравили на меня Крысько для проверки: если я сдамся, тогда и платить очкарику не понадобится. Не срослось.

Я пожал плечами, отхлебнул чаю.

– Теперь вашему сыну останутся хотя бы деньги.

– Вы даже не представляете, как у меня на душе противно! Творят, гады, что захотят! А нам остаётся или терпеть, или валяться с переломанными рёбрами в больнице.

– Или не ходить по тёмным закоулкам, где шляются недоразвитые деточки.

– Деточки? Им по восемнадцать.

– Что ваш Толик делал в парке?

– Просто гулял.

– Я его раньше не видел. Гуляю там не один год.

– Так он вчера вышел в первый раз.

– Везунчик. Как вы меня нашли?

– Ваш адрес мне дал посредник, чтобы я уговорил вас не подавать своё заявление.

– Посредник?

– Он принёс деньги депутатов. Заявление подадите?

– Нет.

Я мелкими глотками допил чай. Михалыч не осилил и половины чашки, вздохнул. Я приготовился слушать. Не зря.

Михалыч в двух словах минут пятнадцать изливал наболевшее.

Вот жизнь, а? Толик с детства чего-то добивается, старается, работает, и гол как его отец. Толик учился как проклятый, отличник, достоин кое-чего получше нищеты, а что сделали они, эти депутатские недоноски-тунеядцы?

Эти сволочи палец о палец не ударили, гоняют на дорогущих джипах, лупят кого захотят до полусмерти, и за всё у них заплачено! Бог на свете есть? Толик на отцовском дохлом жигулёнке-копейке выезжает раз в месяц, а они на новеньких джипах целыми днями бензин прожигают тоннами. Это справедливо?

Я не удержался, вслух заметил, что Толик ездит аж на жигулёнке. Другие обходятся трамвайчиком.

Михалыч возразил. Цены-то на бензин ого-го! Много не наездишь. Толик в основном возит отца в больницу, когда тот идти не может. Обычно Михалыч ходит к эскулапам сам, но бывает, что ноги отказывают.

Я сказал, что Михалычу с сыном повезло. Заботливый. Михалыч уверен, что везение тут ни при чём. Помогло воспитание. Михалыч сыну спуска не давал. Отец Толику с детства привил трудолюбие и помощь слабому.

Я отвалил Михалычу комплимент: мол, Толику небеса послали чудесного отца, Макаренко двадцать первого века. Михалыч аж разомлел. Да, воспитывать Михалыч умеет. У дру-

гих отцов с сыновьями куча проблем, а у Михалыча тишь да благодать. Толик со всем справляется сам, помощи не просит.

Так прямо и не просит? На что ж Толик живёт?

Зарабатывает как-то в интернете. Михалыч в этом не разбирается. Толик через интернет что-то или продаёт, или покупает. Михалыч толком не знает. Толик видит, что отец в этом деле не рубит, и не объясняет папуасу устройство телескопа. Толик и на права деньги заработал сам, и бензин покупает за свои.

А вот питается Толик пока с отцом. Тут Михалыч пока помогает. Одежду Толик покупает сам, а за квартиру и питание платит отец.

Под конец рассказа гордость за сына распёрла Михалыча до размеров дирижабля.

Михалыч слез с самохвала, посмотрел на меня.

– Для восемнадцати с хвостиком неплохо, а?

– Не плохо? Отлично!

Михалыч глянул на часы, что висят на стене напротив, выбрался из кресла.

– Простите, я пришёл-то на минутку, а сижу уже полчаса. Заболтался. Деньги возьмите, прошу вас.

Я поднял со стола конверт, протянул Михалычу.

– Потратьте их на морковный сок. Отличная штука для заживления переломов. Как, кстати, ваш сын?

– Врачи говорят, что ребро срастётся.

– Купите ему пару ящиков морковного сока.

Михалыч кивнул, вздохнул, сунул деньги в карман.

Я запер за гостем, присел за комп. Не терпелось посмотреть, как поживают на моём блоге файлы с тарантиновых мобилок.

*

*

Страница статистики блога впечатлила полусотней тысяч посещений за неполные сутки. Фотки с разбитыми рожами тарантин разглядывали впятеро чаще и вдвое дольше роликов с избиванием очкарика.

Файлы с моего компа – если верить рейтингу городской сети – вышли на первое место по скачиваниям.

Всё-таки за городскими сетями будущее. Как иначе город узнал бы о своих героях меньше, чем за сутки?

Для начала я уменьшил число одновременно подключенных ко мне качальщиков, чтобы работа за компом не напоминала сплошное торможение.

После того, как расправился с пожирателями моего исходящего трафика, я прошёлся по городским новостным сайтам. О тарантинах и очкарике не нашёл ни единого слова. Официальный город дремал. Проснётся либо когда очкариков начнут убивать пачками, либо когда мэрия даст отмашку.

За те десять минут, что я бродил по сайтам, на мой блог заглянули почти семьсот человек. Судя по адресам посетителей, сплошь да рядом андреевцы. Город хотел видеть, чем на досуге занимаются детки богатеньких буратин. И это при том, что в записях, выложенных в сеть, я лицо очкарика закрыл и жестокие сцены вырезал.

Я заглянул на сайт мэрии, оставил на форуме ссылку на фотки разбитых тарантиновых рожиц. Пусть посетители посмотрят, что стало с детишками депутатов после попытки угрожать мне полуметровыми ножичками для забоя мамонтов.

Через пять минут я навел на форум мэрии вновь. Ссылки на фотки тарантин как не бывало. Значит, мэрия не спит, вебмастер начальством предупреждён и начеку. Ну и ладно. Мой блог закрыть не смогут, а на своём сайте пусть творят, что хотят.

На закуску я оставил сайт “Вечернего Андреева”. Обычно новости там появляются под вечер. В тот день расписание изменилось. Ещё утром на главной странице вебмастер вывесил моё фото с подписью: “Частная ищейка Янов избивает невинных детей до полусмерти”. От жалости к карапузам я аж прослезился.

Сайт “Вечернего Андреева” расписал вечерние события в парке в подробностях. Журналист Заливайло – вот уж наградил бог фамилией! – отработал деньги заказчиков сполна.

Статейка получилась – триллер рядом не валялся.

Если верить статье, трое малышей гуляли по парку с томиками Маршака в хрупких пальчиках. Тут из кустов выскочил злобный очкарик и ну слепить карапузов боевым красным лазером. Невинные детки в ужасе убежали. Свирепый очкарик – за ними. Вдруг откуда ни возьмись нарисовался я, убийца детей. Догнал, избил карапузов до полусмерти и, если бы не наряд милиции, кто мог поручиться за жизнь невинных младенцев?

Почему у очкарика сломано ребро, вместо лица кровавое месиво, а тело сплошь в синяках и ссадинах, журналист Заливайло объяснить не потрудился. Хорошо, хоть избитого очкарика не пришил моим кулакам.

Каждую фразу “Вечерний Андреев” размалевал, как предписано. Мой портрет набросал мазками чёрной смолы, невинных младенцев с любовью выписал белой и пушистой акварелью.

Вечером я купил “Вечерний Андреев” в бумаге. Хотел посмотреть, не пошутил ли вебмастер на сайте. На первой странице красовалось моё фото с той же подписью, что и на сайте газеты. Статья, что заняла полстраницы, слово в слово повторяла статью на сайте.

Поначалу зачесались кулаки дать Заливайло в нос, чтоб инфу фильтровал. Через минуту я передумал. Заливайло и без меня судьбой наказан, ибо пишет всегда то, за что потом получает по башке. Как до сих пор писака жив, удивляюсь.

Я набрал номер Заливайло. Минуту подождал ответа, набрал заново. Заливайло мой номер знает, потому трубку не берёт. Пару раз мы с ним по душам поговорили, теперь обходит меня десятой дорогой.

Дозвониться до журналистки удалось с уличного автомата.

Заливайло включил культурную речь.

– Слушаю вас.

– Привет, брехун!

Заливайло меня узнал, культурную речь выключил.

– Ты кого назвал...

– Спокойно, Заливайло! Будешь много трендеть, и я подам на тебя в суд за клевету. Твоя статья завалит тебя с головой. И тот, кто статью заказал, не поможет.

– С чего это ты взял, что не поможет?

– Маслина не идиот. Или ты поверил, что из-за тебя целый депутат станет пачкать руки?

– Подбирай выражения, Янов!

– Бестолочь ты, Заливайло. Загляни на мой блог. Туда весь Андреев смотрит уже сутки. Остался один ты. Там фотки свирепого очкарика, который напал на твоих невинных букашек. И ещё там видео. Советую посмотреть.

Заливайло замолчал. Я услышал щелчки мышкой.

– Эй, Заливайло, чего замолчал? Зашёл таки на мой блог? Наконец-то! Как после этих фоток в глазах читателей выглядит твоя статья, а? Подумай. Видео рассмотрел? Какие пушистые у тебя вышли депутатские детишки! У меня получились какие-то недоноски. Вот бы мне твоё мастерство!

– Много тексту.

– Ты к очкарику в больницу заглянул?

– Что мне там делать?

– Журналист должен выслушать обе стороны, и только затем писать материал.

– Это мне решать, что и как писать!

– Ты к очкарику всё же загляни. Прогулка будет познавательная. Может, наберёшься ума. Перед тем, как я повесил трубку, из динамика вывалилась кучка матов.

Статья заказная, Заливайло не скрывал. Заказчики понятно кто. Маслина – первый. Статью заказали ещё ночью, раз на сайте висела уже утром. Значит, в способностях Крысько кукловоды не сомневались. Когда я господина следователя обломил, скинулись по тыщонке на лекарства очкарику в обмен на молчание.

Со статьёй Маслина поспешил. Дело вроде и не заводилось, а статейка уже вышла. Как теперь объяснить горожанам, о чём в статье речь, и почему дело против меня и свирепого очкарика так и не завели? Это при том, что я избил до полусмерти сына пламенного борца с криминалом.

Наутро журналюга разразился новым сочинением. Чтобы имидж борца с криминалом не накрылся медным тазом, Маслина заказал “Вечернему Андрееву” опус о том, как тяжело раздобыть улики против ушлого частного сыщика, и как в поте лица славный следователь Крысько роет носом в поисках моей вины.

Заливайло из нашего разговора вывод сделал. Накатал статью без единого намёка на мою вину в избиении тарантин. Вился вокруг да около, юлил, намекал, сыпал юридическими завитушками. Официальной клеветы я в статье не нашёл. На том дело и заглохло.

Через месяц позвонил Михалыч. Пригласил в гости. Очкарика опять побили.

*

*

На лестнице, у квартиры очкарика, я разминулся со стражем ненавистного порядка. Хмурый Михалыч как раз собирался закрыть за блюстителем дверь, когда на площадку поднялся я.

Михалыч увидел меня, расцвёл.

– Как вы быстро!

– Всё же соседи.

– Так уж и соседи. Я к вам топал минут двадцать.

– Вынуждаете сказать бестактность.

– Говорите. В обморок не упаду. Входите.

Михалыч впустил меня в коридор. В носшибанула гниlostная вонь. Я вспомнил о грибокe Михалыча. Где моя память была раньше?

Михалыч запер дверь, указал на рваные тапочки.

– Надевайте. Вы хотели сказать, что вы не такой доходяга как я, потому и дошли не за двадцать, а за десять минут, так?

– За семь. Если позволите, ваши тапочки надевать не буду.

– Не любите рваных тапок? А я обожаю.

– Не хочу подхватить ваш грибок.

– Ах, это! Я и забыл. Проходите.

Михалыч провёл меня в комнату.

Толик лежал на диване. Лицо в ссадинах, губы лиловые и опухшие, правый глаз подбит так, что разомкнуть веки очкарик сможет не раньше, чем через пару дней.

Михалыч поставил рядом с диваном стул.

– Присаживайтесь, Ян. Вы тут пока пообщайтесь, а я сварганю чайку.

Я уселся, подмигнул Толику.

– Ну, рассказывай.

– Побили, и опять сняли всё на мобильник.

– В роли груши ты зрителям понравился, иначе б не снимали. Ребро приросло? Ты когда выписался?

– Ребро зажило. Ваш морковный сок отец в меня вливал вёдрами. Врачи сказали, что заросло как на собаке. Выписался в среду.

Толик рассказал, что вышел пройтись вокруг дома. Четыре дня после выписки из больницы просидел дома, надоело. Днём было сильно жарко. Как только пекло закончилось, Толик вышел. Часов в шесть.

Когда возвращался, в подъезде напали трое. Ударом по голове сбили с ног. Когда упал, добавили кроссовками. Очки Толик снял сразу, как я и советовал ещё в парке.

Из троих нападавших били двое. Третий стоял рядом, снимал на мобильник. Нападавшие прятали лица за масками, потому опознать троицу Толик не сможет.

Тот, что снимал на мобильник, выглядел толстяком. На тарантин из парка фигурой не похож.

Я попросил Толика порыться в памяти, вспомнить особые приметы нападавших.

Толик прикрыл глаза. Через полминуты открыл.

– Да что они, в самом деле, идиоты, что ли? Второй раз на меня налетать, да ещё и днём...

– Вечером. В шесть ты вышел, во сколько зашёл?

– Около семи.

– В подъезде в это время уже приличные сумерки. Что сказала милиция? Когда я пришёл, от вас уходил важный мужик при погонах.

– Сказал, что будут искать. Расспросил, и ушёл.

– Ты ему рассказал то же, что и мне?

– Ещё рассказал, что ничего не забрали. Причём повторил всё чуть ли не по три раза.

– Значит, будут искать? Ну, желаю им удачных поисков. Выздоровливай.

Я встал. Очкарик приподнялся на локте.

– Вы куда? Искать их не будете?

В комнату вошёл Михалыч, принёс чашки и вонь от ног, убитых грибком. Одну чашку дал мне.

– Пока чайник закипал, я слушал ваш разговор из кухни. Как вижу, я вовремя. Собираетесь уходить?

Я кивнул. Михалыч покачал головой.

– Мне казалось, вы нам поможете.

Я понюхал чай. Не столько для того, чтобы понюхать, сколько для того, чтобы зарыться носом в пар, что клубился над чашкой, и уберечь нюх от поражения диким грибковым смрадом, что окружал Михалыча.

Когда отдышался, посмотрел на Михалыча.

– Зачем вы меня позвали?

– Хочу, чтобы вы их нашли.

– Шансов ноль. Чтобы искать, нужна хоть одна зацепка. Не вижу ни единой. Я не волшебник.

– Я думал, вы нам поможете.

– Могу только взять у вас пару сотен, смотаться на два дня на рыбалку, а потом спеть вам песенку о том, как я тяжело трудился и ничего не нашёл. Устраивает?

Я жестом попрощался с Толиком, вышел в коридор. Михалыч прислонился к косяку, вздохнул, начал длинную речь.

Михалыч считал, что Толику отомстили тарантины. Ведь у Толика закурить не просили, ничего не забрали. У Толика была мобилка, портмоне. Всё оставили. Налетели просто так, без слов, и сразу бить... Это месть. Причём месть депутатских отмороzków.

Как они его поймали? Он же из дому после больницы не выходил. Как узнали, что он вышел? Значит, следили? Если следили, то можно найти окурки, или что там находят на месте, где долго стоит тот, кто кого-то дожидается? Почему милиция этим не занимается?

Я оставил вопрос без ответа. Взамен задал свой.

– Кто мог знать, что ваш Толик выйдет прогуляться именно сегодня? Не вчера, не завтра, а сегодня? Не ждали же Толика в подъезде целыми днями со среды!

– Хм! А ведь и правда. Их могли заметить, а это риск. Как же на Толика вышли?

– Дали копеечку малышам, что во дворе торчат по вечерам, и попросили позвонить по такому-то номеру, как только Толик выйдет из дому.

– Это же идея! По этому номеру мы их и найдём!

– Для начала придётся найти того, кто им сообщил о выходе Толика. Это нереально. Могло быть и по-другому: сняли квартиру в доме напротив, и тупо следили за вашим подъездом из окна. Ищи их теперь!

– Что, всё так плохо?

– Звоните, если что.

– Если их найдёте, то получите тысячу баксов.

Я попрощался жестом, вышел на площадку, вдохнул полной грудью. Подъездные ароматы после душка от ног Михалыча показались дорогим парфюмом.

Через семь минут я присел к компу, влез в сеть, начал копать. Меня мурыжил вопрос: те, кто напал на Толика, снимали вечерний подъезд на камеру мобильного от нечего делать?

*

*

Очкарик не подвернулся гопникам случайно. За Толиком следили. Грабить не грабили, только постучали по лицу. Били без переломов, но с синяками. Значит, били по заказу. Зачем? Ради глупой мести?

Кроме того, избиение снимали на мобильник. Кому собирались показывать? Себе? Не слепые, видели сами. Заказчику? Он что, не поверил бы исполнителям? Проще нанять надёжных, чем проверять.

Хотели оставить видео на память? А если бы их задержали? С обвинительным роликом на трубке дорога одна – в суд. Так рискуют только тупые тарантины и те, кому кровь из носу нужно именно видео.

Те, кто лупил очкарика в подъезде, на дурачков не похожи. Сработали на совесть, даже маски приготовили. Значит, очкарика били не столько из мести, сколько ради видео.

Или я с логикой не дружу, или цель съёмки – сунуть мордой в лужу меня. Мол, твоего очкарика мы таки достали, а ты, Великий Сыщик, фиг нас когда найдёшь. И кто смеётся последним?

Если так, то мне должны дать знать. Мол, щёлкни, герой, мышкой, глянь на своего протеже. А теперь попробуй нас найди!

В поисках авторского кино с побитым очкариком в главной роли я рыскал по городской сети с воскресного вечера. Нашёл аж к обеду понедельника.

Будь в моём черепе на одну извилину больше, перерывать носом сеть я бы не стал. Хватило бы и посещения моего же блога. Где ещё мне дали бы знать о премьере самопального триллера, как не на моём блоге?

В комментарии к ролику, что сняли тарантины в парке, а я подкрасил и выложил на блог, подкинули ссылку: мол, гляньте на досуге ролик в тему. Ссылка вела на видео, отснятое в подъезде Толика. В главной роли очкарик без очков. Стекляшки, как и говорил, Толик держал в руке.

Качество видео великолепное. На лице очкарика различался каждый прыщик, даром что снимали не статичный портрет, а динамичную драку.

Файл лежал на сервере провайдера городской сети в разделе приватного видео. Файл популярностью не хвастал, ведь в кадре не хватало депутатских детишек. Роликов с заурядными побитыми очкариками в сети хватает, этим добром не удивишь, из моды вышло.

Файл скачался за минуту. Я прогнал ролик через хакерскую программку. Обычные редакторы видеофайлов дают инфу только о модели камеры, настройках камеры в момент съёмки, и подобной малополезной чепухе. Хакерская прога позволяет вытащить из видеозаписи серийный номер видеокамеры. Разве сыщику нужно для счастья что-то ещё?

Хакерская примочка управилась за пять минут. Прога выдала серийник настолько знакомый, что я засомневался в надёжности своей памяти.

Файлы, что я скачал с трубок тарантин в парке, я сложил в записку ещё до того, как забросил копии в сеть. Все три файла лежали на диске, дожидаясь своей очереди. Дождались. Жаль, я не пометил, какой файл с мобильного какого тарантины я тогда в парке скачал.

Я прогнал три файла из записки через хакерскую прогу. Получил три серийника. Третий узнал с первого взгляда, даже не вчитываясь в каждую цифру. Серийник камеры, на которой снимали битть очкарика в подъезде, совпал с серийником камеры одного из тарантин.

С минуту я грыз локти. Надо ж было так сглупить! Почему не пометил, с чьей трубки скачал какой ролик? Облегчил бы задачу на порядок.

За окном темнело. Самое время.

Я выплюнул локти, вытолкнул себя на улицу.

*

*

В парке Петровского, у центрального входа, примостился кабак “Маслинка”. В ста метрах от кабака – глухой угол парка, заросший кустами, где тарантины пинали очкарика, затем я успокаивал тарантин, а чуть позже блюстителю уложил мордой в пыль меня.

Возле входа в кабак – летняя площадка на шесть столов и двадцать четыре стула. Все места заняты, обе дюжины отдыхающих накачаны пивом, окрестные кусты смердят пивной отработкой.

По версии тарантин, очкарик слепил несчастных лазерной указкой из-за окрестных вонючих кустов. В зале суда такая отмазка звучала бы правдоподобно. Смотришься судья к кабаку, понюхай ту вонищу, и ни за что не поверит, что человек в здравом уме залезет в обгаженные кусты лишь ради того, чтобы слепить кого-то лазерной указкой.

Я прошёл по центральной дорожке летней площадки к дверям кабака. Охранник, что закуривал на крыльце у входа, просканировал меня от мокасин до горловины футболки, включил фейс-контроль, влез через зрачки в самую душу, констатировал отсутствие алкоголя в крови, кивком разрешил войти.

В полутёмном зале кондиционер охлаждал сигаретный дым вперемешку с парами водки и пива, из колонок вполголоса хрипел блатняк, над барменом на метровом плазменном экране не в такт блатняку извивались полуголые бедристые негрятки.

Забитый зал единым движением повернул головы ко мне. У кого получилось, тот сфокусировал взгляд на моём лице, остальные вернулись к созерцанию рюмок, стаканов и пьяных соседей.

Знакомого во мне признала только одна пара глаз. Через мгновение вторая пара глаз проследила за тем, куда смотрит первая, навела резкость на моём силуэте.

Ромка – самый толстый тарантина и сынуля депутата Маслины – взглядом сверлил во мне дырки почище перфоратора. Смазливая худенькая мартышка, что сидела у Ромки на коленях, переводила взгляд с ромкиной злой морды на мою ангельскую улыбку. Ромкину злобу и мою улыбку мартышкин разум состыковать не мог, отчего лицо девчонки выглядело придурковатым.

Когда я подошёл, Ромка напыжился. Я сел за столик, убрал улыбку.

– Юноша, вы теперь на улице не сидите?

– Там придурочные очкарики спят из-за кустов лазерными указками.

– Вы говорите о тех кустах, что вокруг вашей летней площадки?

– Именно. Мы тогда сидели на улице.

– Неужели сын самого Маслины отдыхает возле общего горшка? Там же вонище – смерть! Насчёт очкарика с указкой вы переборщили, ведь в тех кустах от вонищи угоришь.

– Он угорел? Нет. Значит, тогда не воняло. Хотите – верьте, хотите – нет. Он слепил нас три дня, и точка!

Ромка открыл бутылку пива, присосался на треть литра, отставил пустую тару, закончил отрыжкой.

– Первые два дня мы просто кидали в кусты камни. А потом он нас достал.

Мартышка, что сидела на ромкиных коленях, скользнула по мне взглядом в стиле “валил бы ты отсюда, а не то нарвёшься”.

Я запустил на мобильнике видео, где очкарика рихтуют в подъезде, протянул трубку Ромке.

– Взгляните. Кино знакомо?

Ромка бросил на экран мобильника беглый взгляд, заёрзал на стуле. Затем шепнул на ухо подружке, чтобы уматывала. Шепнул так, что услышал я и ещё пара столиков. Мартышка умотала без слов. Ромка провёл её взглядом, посмотрел на меня.

– Ваше кино я вижу впервые. Ни я, ни мои друзья к очкарику не прикасались. Так что он может слепить нас лазерными указками, а мы будем только отворачиваться.

– Опять указки?

– Это правда.

– Я знаю, что свежими синяками очкарик обязан вашей троице. Кто-то из вас – или все трое – был там, в подъезде, и записал вечеринку на камеру мобильника.

– После того, что вы с нами сделали в парке, мы полезли бить этого доходягу?! Мы идиоты?

– Да. Иначе зачем записывать, как били очкарика?

– Зачем кому-то из нас торчать в каком-то подъезде, и снимать на трубку какую-то драку? Зачем нам светиться?

– Значит, вы дали свою трубку тем, кого наняли.

– Зачем нам давать свою мобилку? Мы могли бы заказать, чтобы нам сняли видео на трубку тех, кого мы наняли, разве не так?

Я указал взглядом на мобильник Ромки. Сказал, что в трубке Ромки не просто камера, а суперкамера. Снимает без помех, в высоком разрешении. Такой камерой можно снять лицо очкарика с чёткостью до прыщика, держа в кадре драку целиком.

Таких крутых мобильников во всём Андрееве раз, два, и обчёлся. У тех, кому тарантины заказали съёмки, наверняка трубки простые, с таким качеством видео, что на записи не отличишь слона от дирижабля. А тут надо снимать не улитку, а драку, где движения быстрые. Для таких съёмок нужна камера такого же высокого качества, как в архидорогом мобильнике Ромки.

Ромка икнул.

– Нас там не было!

– Это вы скажете на очной ставке.

– На вашей записи те, кто бил очкарика, в масках. Как он кого-то узнает?

– По фигуре, по голосу, по дыханию, по сопению, по... У милиции способов опознания миллион.

Ромка выпятил грудь.

– У нас есть и алиби, и свидетели! Мы были на речке, на шашлыках. Знаете, где село Щучье? Не близко, а? Каждую субботу мы втроём ездим туда на природу, на бережок, покупать шашлычка и водочки, покормить комариков. В эту субботу ездили тоже, как обычно. После обеда купили мясо, и уехали.

– Купили мясо, и сразу уехали? Мясо не маринуете?

– Жарим с кровью. Это полезно. Будет хороший гемоглобин.

– Хорошо, в субботу вы уехали. Когда вернулись?

– В воскресенье утром к нам приехали девочки, и гуляли с нами до вечера. Приехали в город все вместе только к девяти-десяти.

– Как вы узнали, что очкарика побили вчера, а не в субботу, когда у вас алиби нет? Насколько я понял, на шашлыках в субботу вас только трое, без дам. На когда стряпать себе алиби, вы знали. Свидетели вам нужны именно на воскресный вечер, когда очкарика побили трое в масках. На этот момент у вас алиби железное, не сомневаюсь. Значит, остаётся вариант найма гопников. Вы дали им свою мобилку.

– Я ничего никому не давал.

– Трубка одного из вас оставила в том файле, что я вам показывал, свои данные, включая модель, время съёмки и даже серийный номер камеры.

Ромка замер.

Следующие пять минут я разжёвывал Ромке, что как ни крути, а ролик снят на мобильник кого-то из тарантин. Кто-то из тарантин в подъезде у очкарика был, и тогда двое других ему делают левое алиби. Либо кто-то из тарантин дал свою трубку тому, кто бил очкарика, чтобы снять радостный момент на память.

Из файла с записью эксперты узнают серийник камеры, свяжут с серийником трубки. Если документов на замену камеры в мобильнике нет...

К примеру, избивание очкарика в подъезде снимали на мобильник Ромки. Следовательно спросит, какой серийник у Ромкиной трубки. Ромка скажет. Затем следователь спросит, как у напавших на очкарика оказался мобильник Ромки. Ромка расскажет.

Если Ромка скажет, что трубку у него украли, следователь сходит к оператору, получит распечатку номеров, с которых звонили на мобильник Ромки последние пару суток. Обзвонит всех ромкиных собеседников, и найдёт хотя бы одного, звонившего Ромке после того, как трубку у Ромки украли, и разговаривал, как ни странно, с Ромкой, а не с похитителем мобильного.

К этому способу проверки можно добавить ещё как минимум парочку.

Если Ромка с друзьями потеряют трубки прямо сейчас, то у меня останутся файлы записей из парка и файл из подъезда очкарика. Серийники камер совпадают. Даже не надо доказательств. Хватит и подозрений. Тарантиновым папам-депутатам это не понравится. А уж как не понравятся мэру записи в моём блоге!

Ромка встал.

– Припекло в туалет. Пару минут подождёте?

– Спросите у того, кому собираетесь звонить, на какую сумму он готов раскошелиться в фонд помощи потерпевшим от нападений в подъездах.

Роман сделал вид, что я и рта не разевал. Явился через пять минут с полной бутылкой ячменной шипучки. Сел, фыркнул, отхлебнул пива, посмотрел на меня как вегетарианец на сосиску.

– Некто хочет передать пострадавшему энную сумму денег в обмен на ваше молчание.

– Похвально.

– Тысяча долларов ему понравится?

– Вопрос не ко мне.

– Задать такой вопрос пострадавшему сможете?

– За зелёный полтинник смогу.

Ромка раскрыл портмоне, выудил из пачки зелёных бумажек полтинник, протянул мне.

– Держите. Когда ждать ответ?

– Скоро.

Когда я вышел из кабака, охранник прошёлся по мне колючим взглядом. Ещё бы! Ведь я шёл ровно, выглядел трезвым. Другими словами, смотрелся как антиреклама кабака. Не клиент, а наглядный пример упущенной для заведения прибыли.

Мимо вонючих кустов я проскочил без единого вдоха. Отдышался через минуту. Прошёл по парку, пропитал лёгкие кислородом впрок, ведь меня ждали ещё с десятков задержек дыхания.

*

*

Пара сотен шагов по улицам редких фонарей – и я постучал в дверь Михалыча.

Час поздний, глазка на двери нет, в подъезде темень такая, что белую кошку едва разглядел, чуть не наступил на хвост.

Думал, не откроют. Ошибся. Дверь отворилась. Михалыч в изорванных тапках на босу ногу отступил назад, жестом предложил войти. Грибок от Михалыча не отлучался, потому я прежде, чем перешагнуть порог, перевёл нос в режим потерянного нюха.

Я кивнул в сторону комнаты.

– Толик дома?

– Теперь по вечерам он дома всегда. А сейчас уже почти ночь.

Михалыч провёл меня в комнату. Тапочки не предложил, я не напомнил.

Толик сидел за компом, мочил монстров новейшим плазмоплюем. Сквозь толстые наушники прорывался грохот стрельбы. Я представил, как гремело у Толика в ушах, поморщился.

Михалыч тронул сына за плечо. Толик поставил игру на паузу, поднял на отца нелюбящий взгляд. Я уловил в облике очкарика немой вопрос: “Когда же это закончится?!”. Вспышку негодования я списал на синдром геймера, оторванного от игры.

В следующий момент Толик краем глаза заметил меня, улыбнулся, кивнул, снял наушники.

– Вы? Так поздно?

Я присел рядом с Толиком.

– Во сколько оценишь свои синяки?

Михалыч вышел из комнаты, загремел на кухне чайником, чашками и блюдцами.

Я вздохнул от облегчения, ведь Михалыч унёс грибок на кухню. Толик заметил моё предынфарктное состояние, улыбнулся.

– Окно открыть?

– Выживу. Во сколько оценишь свои синяки?

– Вы шутите? Кто их купит?

– Тарантины. Любители снимать тупое кровавое кино на мобильники.

– Вы про этих уродов... Они давно не любители, скорее уже профи. У них это хобби со школы. Они ещё тогда любили снимать свои идиотские клипы.

– Так ты тарантин знаешь давно?

– Ну, знаю – это сказано громко. Учился с ними в одной школе. Этих придурков знала вся школа.

– Разве детки депутатов учились в простой школе? Разве не в частной?

– Представьте себе. Все трое.

– Выбирай: новое дело на тарантин, или отступные. У меня есть инфа, которая доказывает причастность тарантин к твоим новым синякам.

– У нас было море инфы про парк, и что? Выкрутились, скоты. Отмажутся и сейчас.

– Сейчас тарантины не хотят, чтобы было, от чего отмазываться. Им лишний шум не нужен. Папы нашлёпают по попе, краник с бонусами прикрутят. За сколько ты согласен заливать синяки молча?

Толик улыбнулся.

– За миллион.

– Будь реалистом. Оцени ущерб и назови сумму. Тарантины предложили тысячу. Советую сумму удвоить и помнить о том, что фраера сгубила жадность.

Толик хмыкнул.

– Согласен. Две. Но не меньше.

Толик замялся.

– Хотел вас спросить... Что это за инфа, которой вы их испугали?

Я на пальцах объяснил Толику суть колдовства с серийниками камер в тарантиновых мобильниках.

Затем Толик попросил рассказать алиби тарантин. Я в двух словах рассказал про Щучье, шашлык с кровью на речном берегу, и миллион свидетелей.

Толик потёр лоб.

– Так я вам ничего не должен? Прикольно! Р-раз – и бабки в кармане!

– Ага, а перед этим – кроссовками по носу. Прикольно. Кстати, тарантины твердят о какой-то лазерной указке. Мол, за то, что ты их слепил...

– Врут. Мне следователь тоже хотел это приклеить. Совсем с ума сошли. Я идиот? Нечего мне больше делать, как из кустов слепить пьяных дураков? Или я не понимал, что мне могли по пьяне голову пробить, и даже не заметить? Наверное, адвокаты понапридумывали. Уцепиться не за что, вот и родили указку.

В комнату вошёл Михалыч с чаем и грибом.

Чаю я отхлебнул с удовольствием, а грибок хозяин мог бы оставить и на кухне.

Михалыч положил передо мной на стол конверт.

– Мне на кухне слышно всё. Тех, кто Толика вчера побил, вы таки нашли?

– Исполнителей не нашёл, только заказчиков. Но искать их не пришлось. Прыгали перед носом. Так что конверт заберите. Вашу премию я не заработал.

Михалыч поскрёб ногтями ступню. Я, конечно, слышал, что грибок зудит, но разве его чешут той же рукой, которой подают гостям чай?

Толик мой лёгкий шок заметил, улыбнулся. Михалыч закончил скрести ногу аккурат к тому моменту, когда я пришёл в себя и шагнул в коридор.

Когда Михалыч за мной запер, глаза залепила подъездная темень. Чтобы не придавить ненароком белой кошке хвост, включил фонарик. Вместо кошки от меня шарахнулась крыса размером чуть меньше литровой банки.

В столь запущенном подъезде каждая лестничная площадка – рай для любителя бить по башке из темного угла. Даже не надо надевать маску. Налётчик уйдёт неузнанным. Как очкарик собирался возвращаться домой после той поздней прогулки в парке, если бы тарантины его не пбили? Фонарика я у Толика в парке не видел.

Я начал перепрыгивать через три ступеньки, когда представил, как бы мне в подъезде очкарика треснули по головёшке, как бы я в отключке валялся в пыли, а по мне ползала та жирная крыса.

Две сотни шагов по остывшему асфальту, сто метров по парку, задержка дыхания возле вонючих кустов, кивок охранника – и я вернулся к Ромке. Надо ковать железо, пока волка ноги кормят.

*

*

Тарантина Ромка меня не ждал. Ромкины дружки меня не ждали ещё больше, чем Ромка и та маргышка, что сидела у Ромки на коленях, вместе взятые.

Малолетки в нанюбках, оседлавшие ромкиных дружков, перехватили взгляд-приказ ромкиной маргышки, с фырканием слезли со спонсоров. Маргышка увела подружек к барной стойке. Дамы удалились, чтоб мужской разговор не слышать.

Ромкины дружки-тарантины для приличия поковырялись во мне презрительными взглядами, поднялись с чувством папиного достоинства, отвалили к подружкам. После нашего общения в парке желание со мной говорить осталось только у Ромки.

– Какой вы быстрый! Я вас ждал завтра-послезавтра. Неужели управились?

– С вас две штуки, или он пишет заяву.

– Тысяча – это предел.

– Как знаете, юноша. Я свою задачу выполнил. Платить или нет, и сколько – решать вам.

Я иду спать.

– Подождите. Я посоветуюсь с друзьями.

Ромка вытащил брюхо из-под стола, подошёл к барной стойке, созвал товарищей по несчастью. После первых слов Ромки дружки-тарантины взглядами превратили меня в перфокарту. Я улыбнулся. Тарантины отвернулись.

Ромка уламывал дружков три вечности подряд. Я чуть не заснул.

Ромка принёс вердикт коллегиста с самой чёрной траурной миной, которую только видел свет.

– Мы согласны. Сколько возьмёте за доставку денег пострадавшему?

– Сотню.

– Так мало?

– Сто баксов.

– Так много?!

– Спокойной ночи!

– Постойте!

Ромка порылся в портмоне, выудил купюру, протянул мне.

– Держите свою сотню.

Я сунул хрустик в карман футболки. Ромка отчитал двадцать сотен отступных, протянул мне. Краем глаза я засёк жадный взгляд ромкиной мартышки, прикованный к пачке денег. Я сунул деньги в задний карман.

Ромка приподнял бровь.

– Потерять не боитесь? Вдруг выпадут?

– Разве что помогут ваши дружки.

– Я в такие игры не шулерю. Мои вас не тронут.

Я хмыкнул. Ромка замялся.

– Эээ... Что вы сделаете с вашей информацией?

– Оставлю на память.

– Так не честно. Мы же договаривались...

– У вас стиратель памяти есть? Я обещал молчать, а не забыть. Но если вы ещё раз очкарика стукнете, я сообщу о нашей сделке куда надо. Не нравится? Забирайте деньги, и разбежимся.

Спокойной ночи Ромка мне не пожелал.

Когда возвращался домой, в самом тёмном месте парка – подальше от чужих глаз – я переложил тарантиновы отступные в передний карман. В задний вставил наискосок лезвие опасной бритвы.

Всю дорогу домой я краем глаза видел позади себя тень. Мои движения тень не повторяла. Отбрасывал тень мой попутчик. Следил за мной от ромкиного кабака. В детстве мой спутник в прятки не играл, иначе бы крался по тёмным углам, а не вышагивал по пятнам лунного света на асфальте.

*

*

За полсотни метров до дома я взял курс на свой подъезд, чем дал попутчику понять, где живу. Чтобы спутник усёк: время пришло, можно и опоздать. У подъезда я замедлил шаг, сделал вид, что прихрамываю. Через несколько шагов остановился, снял мокасина: мол, вытряхиваю камешек.

Три секунды спустя мне в поясницу упёрлась острая железка. Я поднял руки. Когда попутчик раскрыл рот, меня окутало облако пивной отрыжки.

– Гони бабки!

– Откуда, командир?

– Закрой рот, и давай бабло!

– Руки опустить можно? Если нет, то поройся в задних карманах. Там валяется какая-то мелочь.

Попутчик сунул пальцы в мой карман, напоролся на бритву, ойкнул.

Когда человек режет о бритву кончики пальцев, то забывает всё на свете. Помнит только дику боль в распоротых пучках.

Я развернулся, включил фонарик, осветил ночного напададу. Налётчик от болевого шока не понимал, что творит. Бедняга отбросил нож, здоровой рукой стиснул распоротый палец в попытке задушить фонтанчик крови, что вырывалась из пучки.

Бойцу бы сунуть ноги в руки да уматывать, ан нет, стоял, стонал, кривился от боли. Соображалка отключилась.

Я надел мокасина, врезал попутчику пяткой чуть выше колена. Нападада приземлился на копчик, взвыл, выставил перед собой руки.

– Не бей!

– Ты чё? Ромкино?

– Нет. У меня кровь идёт сильно.

– Отлично. Значит, скоро склеишь ласты. Сними шнурок, перетяни палец.

Я поднял нож, подал напададе.

– Режь шнурок. Пока ты его развяжешь...

Я подсветил фонариком, чтобы попутчик отрезал кусок шнурка, а не полкроссовка. Нападада обмотал шнурком палец. Кровь остановилась. Я присел на бордюр напротив себе-седника.

– Откуда ты взялся?

– Увидел, как Ромка дал тебе деньги, ну и пошёл за тобой. Вдруг ты их уронишь? Ментам меня не сдавай, а? Я и так уже наказан. Видишь, чуть полпальца не отрезал!

– Чаше суй грабли в чужие карманы, так ещё и полбашки отобьют.

Нападада опустил голову.

– Ты меня отпустишь?

– Нет, отнесу домой и накормлю колбаской.

– Ромке не говори, а? Он меня убьёт.

– Правильно сделает.

Я поднялся с бордюра, отряхнул брюки.

– Лети, орёл.

– Ромке не скажешь?

– Нет.

– Спасибо, брат.

– Упаси бог от такой родни. Иди.

Нападада стартанул с пробуксовкой. Я двинул домой. Когда зашёл в подъезд, оглянулся. Пятки попутчика мелькали в конце квартала.

*

*

Дома я бросил запачканные кровью брюки в стиралку, включил быструю стирку.

Пока машина трудилась, заглянул на свой блог. Ссылка на видео, снятое в подъезде очкарика, вела в никуда. Значит, тарантины из общего доступа файл убрали. Поздно. Надо было не выкладывать. Файл скопировали тысячи юзеров. Попадись среди сотни хоть один ушлый умелец выковыривать из видео серийники камер, и тарантины от наплыва шантажистов забьются отбиваться.

Наутро я занёс отступные тарантин очкарику Толику. Радости семейства не было предела.

Всю неделю я искал пропавших болонок, следил за неверными жёнами, угрожал мордобоем мужьям-алкашам – в общем, зарабатывал деньги.

В воскресенье после обеда позвонил Михалыч, напросился в гости. Всё, что я понял из сбивчивого рассказа прежде, чем Михалыч повесил трубку – очкарик исчез.

*

*

Михалыч не пришёл – приполз. Мало того, что все силы у мужика сожрал рак, так ещё жарыща всю неделю стояла такая, что и у здоровых сердечко пошаливало.

В кресле Михалыч отдышался, прокашлялся.

– Мой Толик пропал. Вчера после обеда вышел из дому пройтись, и не вернулся до сих пор. Уже сутки.

– В милицию заявили?

– Конечно. Утром. Там сначала сказали, что должно пройти три дня, а уж потом можно подавать заявление. Я сказал, кто мой сын, кто Толику сломал ребро, и кого подозреваю в похищении. В общем, я там поорал, душу отвёл.

– Вы поорали?

Михалыч усмехнулся.

– Вы не смотрите, что я еле ползаю и говорю почти шёпотом. Когда надо, могу и поднажужиться. Но, если честно, меня после того, как я там покричал, минут пять откачивали. Чуть не задохнулся. Может, оно и к лучшему, ведь мне сразу приставили следователя. Я ему всё рассказал, он записал. Сказал, будут искать.

– Вот и хорошо. Другим так не везёт.

– Ян, я хочу, чтобы Толика искали вы. Милиция и не почешется.

– Давайте я принесу чаю. Зелёный пьёте?

– А чёрный есть?

Я кивнул, не вышел – выбежал из комнаты.

На кухню я удрал не столько за чаем, сколько за свежим воздухом. Ноги Михалыча смердели как труп, что три дня вялился на солнце.

Пока чайник закипал, я придумывал, как бы поделикатнее отказаться от предложения Михалыча. Уж больно мне не понравилось, как очкарик исчез: в субботу, когда тарантины по традиции кушают водку с шашлыком под Щучьим, чёрт знает как далеко за городом. Пахло не просто жареным – угольками.

Я разлил по чашкам кипяток, опустил в воду пакетики. Пока нёс напиток богов из кухни в комнату, мелькнула гениальная мысль: а не предложить ли гостю абсолютно чистые новые мусорные мешки, чтоб надел, как белые тапочки в операционной? Да чтоб укутал ноги как следует, ведь он хочет разговаривать с частным сыщиком, а не с задыхающимся полутрупом.

Я принёс чай. Михалыч поднял на меня вопросительный взгляд.

– Ну, как? Вы подумали?

– Я не возьмусь.

– Посмотрите, кому отказываете. Я ведь почти умер. Считайте мою просьбу предсмертной. В таких случаях не отказывают, верно?

Я кивнул. Затем объяснил, почему я таки отказываю.

Толик исчез после того, как я из-за Толика дважды мокнул тарантинские морды в дерьмо. Значит, в списке подозреваемых тарантины стоят первыми. Если в списке есть вообще кто-нибудь кроме тарантин.

Толик умудрился разозлить не кого-нибудь, а депутатских сынков. У пап-депутатов большие деньги и огромные возможности.

В первую очередь я пойду к тарантинам. Папашам-депутатам моя наглость не понравится. Все следователи получают приказ из мэрии ловить меня на каждой мелочи, лишь бы к тарантинам не подпускать. Вот здесь начнутся мои проблемы.

Михалыч выслушал меня с предельным вниманием, отхлебнул чаю, рассмотрел пуговицу на моей рубашке, кивнул.

– Понятно. Проблемы начаться могут, это точно. Почему вы уверены, что Толика украли тарантины?

– Других орлов на примете нет. Кроме тарантин, у Толика были проблемы с кем-то ещё?

– Не знаю. Не думаю.

– Если Толика украли тарантины, то они самые тупые тарантины из всех тарантин на свете.

– Даже так?

– Сегодня воскресенье. Значит, вчера детки депутатов уехали на шашлык, под Щучье. Девочки к ним приехали только сегодня утром. Алиби на вчерашний день у тарантин нет.

– Вот и отлично! Возьмём их за задницу!

– Неужели тарантины такие недалёкие? Сначала сказали о субботних шашлыках мне, и в следующую субботу крадут вашего Толика? Ведь понимают, что к ним я пойду первым.

– Раз они дети депутатов, то тупыми быть не могут?

– Не до такой же степени! Кстати, к тарантинам, кроме меня, пойдёт ещё и следователь. У него к сынкам депутатским должна быть куча вопросов. Если ему разрешат эти вопросы задать.

– Как это? Он же следователь!

– Забыли, как замялось дело с дракой в парке?

– То – простая драка. А это – похищение.

Я открыл Михалычу секретную истину: “Важно не преступление, а кто его совершил”. Подозрения падают не на кого-нибудь, а на детей депутатов, а это бьёт по репутации всей мэрии разом. Мэр поставит прокуратуру на уши. Что будут искать? Правильно, улики. Но какие?

Будут искать доказательства тарантиновой непричастности. Другими словами, депутатских сынков будут отмазывать. И кто! Не адвокаты, а следователи! Тут шансов найти Толика – огромный жирный ноль.

Михалыч задумался. Я отхлебнул чаю. Михалыч взъерошил волосы.

– Что же делать-то, а?

– Добью вас сразу, чтоб не мучить. Как зовут вашего следователя? Вам прикрепили не Крысько? Если его, то ставьте на поисках крест.

Михалыч отмахнулся.

– Фамилию не помню. Какая-то восточная. И он сам какой-то восточный. Имя запомнил потому, что короткое. Юсуп. Нерусский, точно. И мне показалось, что толку от него будет мало. Мужичок он никакой.

Я улыбнулся.

– Юсуп вашего сына достанет из-под земли.

Михалыч посмотрел на меня как на придурка.

– А как же мэр?

– Юсупу на мэра наплевать. В открытую против мэра не пойдёт, но искать оправдания депутатским недоноском не станет.

– Значит, Юсуп моего Толика найдёт?

– Если не сможет сам, помогу я.

– Сколько с меня?

– Нисколько. У меня с Юсупом нечто вроде дружбы. Я помогаю ему, он – мне. У вашего Толика мобильник есть?

– Конечно. Пишите номер. Заодно дам вам и мой.

Михалыч продиктовал номера, я записал. Михалыч поёрзал в кресле.

– Эээ... Зачем вам номер? Он не отвечает. Трубка отключена, наверное.

– Родню обзвонили? Может, Толик отправился в гости, а вам сказать забыл?

Михалыч родню обзвонил. Толик родных не посещал. Михалыч даже позвонил матери Толика. К ней бы Толик не пошёл, но всяко бывает. Почему к ней бы не пошёл? Она алкашка. Спилась. Как начала пить, так Михалыч её и выгнал. Затем развёлся, квартиру разменяли.

Михалыч уверен, что душевной травмой для нежной детской психики отлучение ребёнка от матери не стало. Толику тогда было всего три годика. Толик бы свою мать и не знал, если бы эта ханжка за сыном не бегала. То к школе подойдёт, то во двор, когда Толик играл с детьми. Выпрашивала у Толика те деньги, что Михалыч давал сыну в школу на обед.

Михалыч на двести восемь процентов уверен, что Толик у матери не появлялся. Михалыч и позвонил-то ей только для очистки совести. Толик как подросток, так всё и понял. Нормально воспитанный сын нормального отца с мамашей-алкашкой общаться не станет.

В конце монолога Михалыч передал слово мне. Я отказываться не стал.

– Где Толик учится?

– В железнодорожном. Там у них есть факультет журналистики. Первый курс. Группа сто семь.

– У меня вопросы закончились.

Гость выбрался из кресла, протянул мне руку, с минуту тряс мою. Задержи меня Михалыч рядом с собой ещё секунд пять, и мой нос свернулся бы в трубочку.

Когда Михалыч ушёл, я распахнул окна, включил вентилятор на полную, чтобы выветрить из квартиры грибковые ароматы. Эффект наступил через час, за пять минут до моего выхода. Раньше я выйти из дому не мог, потому как боялся, что в запертой квартире штука-турка провоняется до бетона.

Перед выходом я полчаса пытался дозвониться до знакомого. Мобильный номер отвечать отказался, пришлось звонить знакомому на работу.

На тридцать первой минуте наборов номера и коротких сигналов мне сообщили, что мой знакомый уволился неделю назад, и уехал. Куда, моей собеседнице не докладывали.

Знакомый работал на станции того оператора, за которым числился номер Толика. За копейку знакомый записывал разговоры нужных мне абонентов, следил за передвижением трубок по городу. Знакомый уволился, координат не оставил. Как теперь проследить за мобильником Толика?

*

*

Машину я припарковал в квартале от здания оператора. Люблю ходить пешком, и не перебариваю любопытных охранников вместе с телекамерами над стоянками.

В служебное помещение я прошёл, как к себе домой. Показал охраннику удостоверение областного менеджера сети. Боец чуть не откозырял. Корочку менеджера отсканировал тот мой знакомый, что уволился, а меня о своём увольнении не предупредил. Мне осталось только распечатать скан, и тыкать его в нос раздолбаям-охранникам. Когда-нибудь попадусь, а пока тычу ксивы направо и налево. У меня этих удостоверений...

В кресле моего знакомого спиной ко входу сидела девушка в наушниках. Щёлкала мышкой, слушала музыку. Заметила своё отражение в мониторе, развернулась вместе со стулом, взглядом спросила, чего надо, сняла наушники.

Я прислонился спиной к двери, улыбнулся.

– Я вам звонил полчаса назад и...

– И выспрашивали, куда уехал хозяин этого кабинета. Я ваш голос узнала. Кто вы такой и как сюда прошли?

– Частный сыщик. Прошёл ногами.

– А охрана? Таким как вы сюда вход запрещён.

Телефонистка потянулась к трубке внутреннего телефона.

– Я попрошу охранника, чтобы он показал вам дорогу обратно. А то ещё заблудитесь.

– А вдруг я принёс деньги?

– Сколько и за что?

Телефонистка оставила трубку в покое, сложила холёные руки на груди. Да не просто сложила, а с намёком, так, чтобы я видел её колечки. Хрупкие пальчики закованы в золото да платину, причём золото сплошь в камнях, да не в фианитах, а в лучистых брилликах.

Откуда такие финансы у рядовой телефонистки? Был бы богатый муж или папуля, могла бы запросить местечко потеплее, а не торчать на нудной работе, причём посменной. Остаётся то, чем подрабатывают многие телефонисты. Сливают инфу. Кому?

Я протянул бумажку с номером очкарика Толика.

– Мне нужен полный отчёт по этой трубке. Вы понимаете, о чём я говорю?

– Нет.

Я убрал бумажку в карман, пожал плечами.

– Значит, деньги я принёс не вам.

– Почему же? Деньги могу взять и я.

Телефонистка поправила на пальчике колечко. У меня б такой кусок золота своей тяжестью растянул сустав, а моей собеседнице хоть бы хны.

Девушка перевела взгляд с колечка на меня.

– Оставьте мне тысячу. И так каждый месяц.

– Так мало?

– Долларов.

– Простите, я зашёл не в тот магазин. Здесь ценники рисовал ребёнок. Они обожают малевать нолики.

– Где выход, знаете?

– Найду. Не беспокойтесь. Что, если я расскажу о вашем поведении руководству компании?

– За те копейки, что мне платят, я уволюсь сама.

– Как тогда будете подслушивать чужие разговоры за большие деньги?

Телефонистка отвернулась, сделала моему отражению в мониторе ручкой. Бедные пальчики! Сквозь золото-платину света белого не видят.

В холле над выходом часы показывали пять вечера. До конца смены девушки в наушниках оставался час.

Я вернулся в машину. Через пятьдесят пять минут я подъехал к зданию оператора так, чтобы мою машину камеры наблюдения не видели, а я чтоб видел ступеньки, по которым должна сбежать деловая телефонистка через минуту после шести.

К пятой минуте седьмого из здания вышли все кроме девушки с наушниками. Я уж было заволновался, не надорвалась ли моя собеседница от непомерной тяжести на пальчиках, как рядом с выходом из здания оператора распахнулись ворота, и из внутреннего дворика выкатилась маленькая немецкая машинка с широченными ноздрями на радиаторе.

Я бы пропустил машинку мимо, если б не разглядел за лобовым стеклом знакомый профиль.

Машинка направилась в мою сторону. Я прикрыл лицо пятернёй: мол, чешу ухо. Когда машинка проехала мимо, я увидел на руле холёную ручку, закованную в золотоплатиновый панцирь из колечек.

Я дал немецкой машинке отъехать полквартила, покатил следом.

Через пять минут телефонистка причалила к столикам, разбросанным по летней площадке возле бара. Я прокатился на полсотни метров дальше.

Перед тем, как покинуть машину, я сменил белую футболку на чёрную, натянул на нос шляпу-челентанку, глаза и пол-лица прикрыл челентанскими же очками-каплями. Брюки менять не стал, ибо слепить прохожих красными семейными трусами в цветочек счёл лишним.

Пока я топал к бару, к летней площадке подкатил джип мэра. Я мог бы спутать джип мэра с любым другим, если бы не скромный госномер в виде нулей и единицы. Надо быть склеротиком-рецидивистом, чтобы такой сложный номер не запомнить.

Из джипа вышел водила мэра, подошёл к столику, где сидела телефонистка. Целовать даму в щёчку водила не стал. Сел напротив, на столик перед собой положил мобильник.

Я прошёл площадку со столиками насквозь, вошёл в бар. Остановился у барной стойки так, чтобы видеть мою парочку, заказал чай. Официант переспросил дважды, ведь после шести обычно заказывают сотку, а я брякнул какую-то глупость.

На поданный чай я не смотрел. Меня интересовал столик на летней площадке. Там мои подопечные делали вид, будто говорят ни о чём, а у самих лица словно сотня взведённых пружин под кожаными масками – настолько напряжены.

Через минуту болтовни водила мэра и телефонистка положили свои телефоны рядом. Перед тем, как отнять от трубок руки, поклацали клавишами. Включили приём-передачу файлов по блютусу, ясно и дураку. Девочка сливает мэру инфу в прямом смысле слова.

Что делать? Как узнать, какой файл так интересен мэру, что он среди бела дня посылает за ним шофёра на служебной машине?

К бару подкатил мотороллер. Хороший, не китайский. С хозяином мотороллеру не повезло: здоровенный мужик в грязном комбезе оставил мотор включённым, поспешил в бар. Или наивный и в воров не верил, или чересчур надеялся на свой грозный вид: мол, попробуй укради мой дырчик – и я тебе снесу башку.

Хозяин мотороллера подошёл к барной стойке, кинул бармену мелочь, приказал подать пачку сигарет, да побыстрее.

Я решил, что такой шанс упускать – грех, за какой буду наказан.

Я рванул к выходу из летней площадки, по пути схватил со столика, где сидели водила мэра и телефонистка, две мобилки, прыгнул на мотороллер, крутанул ручку газа до упора.

Хозяин мотороллера оказался прытким до немогу. Не успел я проехать и полквартила, а толстяк уже выбежал из бара. Не знаю, что здоровенный мужик кричал мне вслед, – зеркало заднего вида звуки не передаёт, – но руками махал как огородное пугало. Будет знать, как оставлять тачку с ключом в замке.

Я завернул за угол, проехал квартал, оглянулся. Погони не заметил. Я остановился, рассматривал трофеи.

Файл, что сливала трубка телефонистки на трубку водилы мэра, оказался жирным. За время моих удираловок перекачаться не успел. Оставалось ещё пять процентов.

Дождаться, пока перекачка закончится, я не стал. Трубки выключил, батареи отстегнул, ведь владельцы через оператора могли отследить, где трубки. А там, где трубки – там и я. Высылайте наряд милиции. Ловите придурка.

Я рассовал трубки и батарейки по карманам, направил мотороллер к бару. Не доехал полквартила, остановился.

Джип мэра скрывался за поворотом, телефонистка глядела джипу вслед. Хозяин мотороллера стоял возле бара, всё ещё размахивал руками.

Я посигналил. Мужик меня увидел, помчался навстречу.

В ста метрах – супермаркет с одним входом и тремя выходами. Я подъехал почти к дверям, убедился, что хозяин мотороллера бежит сзади и видит, где я оставил железного коня.

Когда мужик – весь в мыле – подбежал к двухколёсному другу, я вышел на открытую террасу второго этажа, перегнулся через перила, свистнул. Мужик осматривал мотороллер, матерился. Мой свист мужика интересовал как синхрофазотрон.

Я кинул ключи от мотороллера так, чтобы упали мужику под ноги. Я убрался с террасы раньше, чем мужик поднял голову и рассмотрел меня для протокола.

Через три минуты я прибежал к своей машине, нырнул за руль, завёл мотор. Я газанул так, что мой джипчик от бордюра не отъехал – отпрыгнул. Я переключал передачи в режиме издевательства над машиной. Газ сбрасывал на мгновение, сцепление бросал. Я гнал к бару, где телефонистка после моего налёта вряд ли станет дожидаться, когда ей вернут трубку, но скорее всего выпьет пару капель успокоительного крепостью под сорок градусов, сядет в свою маленькую немецкую машинку, и даст по газам.

Так и вышло: едва бар оказался в пределах прямой видимости, я только и успел, что рассмотреть задний мигающий поворотник немецкой машинки, завернувшей за угол. Я поддал газку, ведь своего домашнего адреса телефонистка мне не оставила, а мне очень хотелось узнать, где она живёт.

Нагнать девушку в наушниках я смог лишь на следующем квартале. Близко подъезжать не стал, спрятался за минивэном, что ехал в трёх машинах позади телефонистки.

Через квартал по левую сторону показалась служебная стоянка райотдела. Немецкая машинка с ноздрями в радиаторе даже не притормозила. Телефонистка подавать заявку на коварного вора в черных очках не собиралась. Значит, на трубке нечто такое, что стражам – если мобилку найдут – знать не обязательно.

Немецкая машинка остановилась возле элитной сталинки. Я прижался к бордюру. Девушка в наушниках запарковала авто, включила сигнализацию, потопала к подъезду. Бодрой походку телефонистки назвать я не смог. На лице особой радости тоже не читалось.

Я выждал пять минут, дал телефонистке войти в квартиру. На шестой минуте я оторвался от бордюра, покатился к парковке, что возле сталинки. Когда поравнялся с немецкой машинкой, бросил под днище петарду с длинным фитилём.

Тридцать метров я ехал в окружении обычного уличного шума. Затем грохнула петарда. Завыли сигнализации. Три машины – маленькая немецкая и два соседних корейца – замигали поворотами.

Я причалил к бордюру, включил орлиное зрение, приготовился засечь шевеление в окнах сталинки.

Хозяева корейцев по очереди выглянули из окон второго этажа, рассмотрели парковку, воров не заметили, сигнализации отключили.

Немецкая машинка продолжала пищать.

Телефонистка показалась в окне на третьем этаже аж через минуту. Что можно делать целых шестьдесят секунд, когда на брелке пищит маячок сигнализации? Слушать в наушниках музыку?

Немецкая машинка заткнулась не раньше, чем телефонистка ошупала взглядом всю парковку вдоль и поперёк.

Окно на третьем этаже, откуда выглядывала девушка в наушниках, я засёк, чтобы вычислить расположение квартиры на лестничной площадке.

Когда телефонистка ушла вглубь комнаты, я отчалил. Пришло время узнать, что же такого интересного сливала мэру бедняга с пальчиками, закованными в золото-платину.

*

*

Я остановился в трёх минутах езды от дома телефонистки, у здания речвокзала.

На стоянке втиснул машину между двумя джипами, спустился к старому причалу, взобрался на палубу заброшенного буксира, с которого по выходным дёргаю приличного бычка.

Толстые стальные борта и переборки судна – надёжные гасители сигнала от мобилки. Оповещать оператора о том, где нахожусь, я не хотел, потому полез в самое сердце буксира, в моторный отсек.

Чтоб не убится раньше времени, дорогу по трапам вглубь буксира я подсветил фонариком. Когда добрался до разобранного мотора, уложил фонарик между зубьями здоровенной шестерни так, чтобы подсветить руки.

Я достал из карманов украденные мобилки, пристегнул батарейки, включил трубки, ввёл народный пароль в виде четырёх единиц. Дождался загрузки, убедился, что шкала уровня сигнала на нуле. Ещё бы! У буксира борт – пара сантиметров. Сквозь такую толщу металла сигнал мобилки не пробьется, и будь антенна оператора хоть в метре от буксира, а засечь трубку не сможет. Значит, моё положение на карте города для ищущих останется в секрете.

Я порылся в файлах на розовой мобилке телефонистки. Пацанский чёрного цвета мобильник водилы мэра меня не волновал: что там могло быть интересного кроме порнухи и парочки концертов блатняка?

Первое, на что я наткнулся в мобилке телефонистки – данные владельца трубки. Девушка в наушниках жила в пятом доме на Набережной – там, где я баловался петардой. Дом пять, квартира восемь. Знал бы раньше – не пришлось бы гоняться за немецкой машинкой как в дешёвом боевике.

Я отсортировал файлы в трубке телефонистки по дате создания. Файл, созданный в половине шестого, оказался звуковым, лежал в папке с музыкой и весил больше, чем остальные песенки, вместе взятые.

В том, что найденный файл – именно тот, что не докачался с мобилки телефонистки на мобильник водилы мэра, я убедился, когда прослушал первые минуты записи.

Файл содержал получасовой разговор двух немолодых мужчин. Запись в формате без потери качества, потому файл и весил полтонны, оттого и качался с трубки на трубку полдня.

Один голос я узнал. Андреевский авторитетный бандюк шепелявил так, что разобрать слова мог только тот, кто с ним общался не раз и не два. Я с авторитетом общался раз десять.

На записи бандюк говорил с подельником о бизнесе. Услышь эту беседу прокурор – прыгал бы от счастья до пенсии.

Телефонистка сливала мэру компромат на криминального авторитета. Разве мне для счастья нужно что-то ещё?

После прослушивания записи я понял, почему телефонистка не передала файл по мобильному интернету, а встретила с клиентом лично, как в старых добрых шпионских фильмах. Не дура, понимает, что следы в интернете замести тяжело, а файл слишком опасен для того, кто его сливает. Ведь если пронюхают те, чьи разговоры красotka сливала мэру, то личико телефонистке подпортят в момент. Нынче дефицита серной кислоты и растительного масла не наблюдается, а смешать их и плеснуть адскую смесь в лицо жертве отморожки найдутся.

На всякий пожарный я скачал файл на свой мобильник. Благо, доступ к беспроводной передаче бестолковая владелица мобилки не запаролила. Иначе пришлось бы повозиться.

Перед тем, как покинуть буксир, я отстегнул батарейки от трубок, чтоб мобилки не сообщили оператору, где меня ловить. Напоследок стёр с трубок отпечатки.

Десять минут спустя я подошёл к двери квартиры номер восемь в пятом доме на Набережной. Расположение квартиры на лестничной площадке совпадало с тем расположением, что я вычислил, когда баловался петардой, чтобы телефонистка выглянула из окна.

После того, как пристегнул к трубкам батарейки, я уложил украденные мобилки на коврик перед дверью, утопил кнопку дверного звонка. Когда из глубины квартиры послышались шаги, я в три прыжка выскочил из подъезда.

Минуту спустя – пока телефонистка поднимала с коврика трубки и закрывала дверь – я запрыгнул в машину.

Джип мэра подлетел к дому телефонистки через четверть часа. Остановился с визгом, с юзом, с дымом резины. Водила огляделся как шпион Её Величества, вошёл в подъезд.

Вышел водила через девять минут с чёрным мобильником в руке. Умотал в том же темпе, в каком и прибыл: в клубах дыма от палёной резины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.